Веч. Клуб. – 1996. – Эрел. – С.7

Клубные встречи

Тенору Николаю Васильеву нет еще и сорока лет. Пятнадцать из них он уже отдал Большому театру. В репертуаре — около 30 партий: Ленский, Самозванец, Собинин, Моцарт, Водемон, Отелло... Гастролирует за границей. Поет на русском, итальянском, английском, немецком, чешском. Признается, что трудней всего — на французском. О чем думают певцы за бархатным занавесом необычной профессии? Что происходит на самом деле на сцене и за кулисами?

Николай ВАСИЛЬЕВ:

Однажды на концерте мне подарили килограмм сахара

— Николай, вы помните сказку, в которой волк пошел к кузнецу и тот перековал ему голос — волчий бас, вероятно, заменил на сопрано мамы-козы?

— Да-да, это замечательно! В сказках певческие проблемы решаются просто. Нам об этом можно только мечтать. Хороший скрипач может купить новую скрипку, а певец живет с одним-единственным "инструментом". Вся профессиональная жизнь заключается в том, как сохранить его, ухаживать за ним, чтобы он всегда звучал.

— И как это делается?

— Один из мифов: певец должен петь каждый день, чем больше поет, тем лучше его форма. Я все испробовал на себе и скажу, что петь каждый день можно, но нужно четко чувствовать меру. Нельзя ежедневно работать на максимуме. Но и молчать нельзя. У каждого певца своя тактика. Например, выдающийся итальянский певец Маттиа Баттистини вообще не нуждался в голосовом покое и пел на сцене до семидесяти одного года.

— Извините за вторжение в деликатную сферу. Закрадываются ли вам в голову мысли — а вдруг, а если? Ваш коллега Александр Ворошило, в результате болезни потерявший голос, успешно нашел себя в бизнесе. Правда, недавно в телепередаче признался, что отдал бы все за возможность снова петь. А в чем могли бы состояться вы?

— В творчестве! Это не только пение. На радиостанции "Надежда" я готовил передачи "Золотые голоса мира" о творчестве известнейших людей: Марии Каллас, Лучано Паваротти, Джузеппе ди Стефано, Марио Ланца, Ренаты Тебальди, Дмитрия Смирнова, Маттиа Баттистини, Николая Гяурова. Чувствую, что у меня есть и педагогический потенциал. Это ремесло, которым я занимаюсь уже десять лет. Второй год преподаю в Академии театрального искусства (бывшем ГИТИСе).

— Что сложнее для оперного певца — следить за вокалом или не потерять сценический образ?

— Вокал — в первую очередь. Без него можно принимать позы, но образа не создашь. Если с ним все в порядке, легче "держать" персонаж, больше красок в образной палитре. Чем вокально сложнее партия, тем труднее нести образ. Но по большому счету все взаимосвязано.

— Где артист "тратится" больше — в сольном концерте или в оперном спектакле?

— Сольный концерт тяжелее. По затратам он может быть приравнен к двум-трем оперным спектаклям. Но есть оперные суперпартии: Радамес в "Аиде", Манрико в "Трубадуре", Отелло — они забирают все физические и эмоциональные силы. Особенно Отелло.

— Кстати, позвольте вас поздравить с премьерой — вы спели Отелло. Жаль только, что не на отечественной сцене, а в Бельгии — в Королевской Валлонской опере. Эта партия считается своего рода рубиконом для теноров.

— Там столько эмоциональных переходов! Опера в четыре действия. Во втором и третьем актах Отелло вообще не уходит со сцены. Колоссальная голосовая нагрузка! Даже глотка воды невозможно за кулисами сделать.

— Как говорил Шаляпин, убедить публику — это в сущности хорошо ее обмануть. А как вы относитесь к камерной сцене, где обмануть зрителя гораздо сложнее?

— Главное — не сцена, а качество артиста. Когда в "Ла Скала" ставили "Евгения Онегина", я наблюдал за Мирреллой Френи, итальянской оперной звездой. Как она работала! Для нее не имеет никакого значения размер сцены и зала! Что такое камерная опера? Это малая сцена и небольшой зал. Я всю свою сознательную жизнь в них и выступаю. Выезжаю, например, в Челябинск, и мы показываем концертный вариант "Моцарта и Сальери".

— Позвольте снова обратиться к Шаляпину. Он писал в своей книге "Маска и душа", что на сцене замечал любые мелочи: "У неряшливого хориста скрипнул сапог... "Бездельник, думаю, скрипят сапоги, а в это время пою: "Я умира-а-ю..." А вы замечаете мелочи? Они вас раздражают?

— Замечаю и раздражают! Тысячи раз бывало. Вот недавно пел с артисткой, которую вводили на роль Дездемоны. Она забыла мизансцену. Я не знал, как выйти из положения. И пошел спиной к зрителю, незаметно делая рукой ей отмашку и показывая, куда она должна пройти.

— О многих певцах, артистах пишут, что музыка в их жизни была путеводной звездой, предопределяя с детства их театральное призвание. У вас было так же?

— Я в детстве сам пошел в драматический кружок, никто меня не заставлял. Родился в маленьком провинциальном городке Бокситогорске Ленинградской области. Мама — педагог в начальных классах. Отец умер, когда мне было три года. Четырехлетним сам прилип к гармошке. Напишите — "это было раннее озарение". (Смеется).

— А кто выбрал баян?

— Мама. Потому что на фортепиано не было денег. В детском саду обратили внимание на мои музыкальные способности. Мать пошла в магазин и купила гармошку-двухрядку. Я был очень маленький и в гармошку залезал чуть не с ногами. Потом купили тульский баян. В музыкальной школе все ахнули: сам маленький, пальцы короткие, но энтузиазма — на десятерых! Взяли без разговоров.

— А сейчас вы поигрываете на баяне?

— А как же! С удовольствием! В прошлом году с Ириной Архиповой выступали на праздновании 50-летия Победы на Прохоровском поле. Она пела под мой баянный аккомпанемент: "Вот солдаты иду-у-т... А я играл и пел "Смуглянку-молдаванку".

— Говорят, что многие известные нынче певцы и музыканты стесняются своего аналогичного баянного прошлого...

— Да, это так. И это очень смешно! А чем, например, орган отличается от баяна? Это тоже меха, в которые нужно дуть. На баяне прекрасно звучит классическая музыка — тот же Бах. В Европе, например, к баяну относятся с большим уважением.

— Николай, скажем, сегодня вечером у вас спектакль. Откройте тайну — как вы проводите этот день и что чувствуете?

— С утра я мра-а-а-чный... Могу в этот день спать долго, но могу и всю ночь не сомкнуть глаз. В зависимости от того, как я все переживаю. Всегда есть сомнения: звучит голос — не звучит. Утром пробую голос, настраиваю. День спектакля очень тяжелый. Да что о нем писать?! Это сплошные нервы, до тех пор, пока не выйдешь и не споешь!

— Вы в этот день в состоянии нормально обедать, например?

— Да, я должен поесть. Я пытался проверить теорию о том, что за шесть часов до выступления есть не следует. И понял, что это не для меня.

— Спектакль закончился, какое у вас состояние?

— Все зависит от того, как спел и какой сложности был спектакль. Анализирую, обдумываю, ночью ворочаюсь и долго не могу заснуть.

— Всегда ли певец чувствует дирижера?

— Мне удобно с теми, кто хорошо владеет своим ремеслом и очень любит музыку.

— А что, есть дирижеры, не любящие музыку?

— Да, есть. Станиславский сказал: "Не люби себя в искусстве, а искусство в себе". Когда человек за пультом очень любит себя в музыке, с ним трудно петь. К остальным у него пренебрежительное отношение. Кроме того, я не люблю петь с дирижером, требующим неотступно следить за каждым его жестом. Комфортно петь с тем, на кого мне достаточно взглянуть лишь мельком, чтобы почувствовать невидимый импульс, темп, другие нюансы.

— Заканчивается спектакль, и актеры выходят к рампе. Кому-то вручают цветы, кому-то — нет. Признайтесь — певцы ревниво относятся к аплодисментам, адресованным партнеру, и болезненно переживают, когда им не дарят цветов?

— М-м-м... Подобные чувства не обсуждаются. У каждого по этому поводу свои эмоции. В Большом театре артистов и зрителей разделяет оркестровая яма. Раньше поклонники приносили цветы заранее и отдавали их дежурной. Это была своего рода домашняя "заготовка", о которой артист как бы не знал. Теперь зрители в любом антракте могут купить букет и экспромтом выразить цветами свои чувства понравившемуся певцу. Сиюминутный эмоциональный отклик дорогого стоит! Однажды в застойные "талонные" времена на концерте в Колонном зале мне подарили килограмм сахара — это было искреннее выражение чувств! А вот на Западе совсем не принято дарить цветы. Считается, что билеты и так дороги и артистам хорошо платят.

— О певцах часто говорят, что они эгоцентричные люди, интересующиеся и любующиеся только собой. А вам присущ некий "нарциссизм"?

— Конечно! Каждому оперному певцу приходится сталкиваться с непониманием, недооценкой его способностей. И такое поведение является как бы самозащитой. Это нормально. Человек не может выходить на сцену, недооценивая себя. Ему необходима творческая самоуверенность. Плюс кураж.

— Известно, что артистам иногда приходится во время спектакля сталкиваться с нештатными ситуациями и проявлять просто фантастическую находчивость.

— С Ленским случались истории. Идет сцена дуэли. Пою, дожидаюсь выстрела соперника. А он не стреляет — пистолет не срабатывает. Понимаю, что давно пора падать, а то музыка "уйдет". Выстрел так и не прозвучал, пришлось упасть на пол и умереть "от разрыва сердца". В Малом театре в Ленинграде был инцидент с перчаткой. Она была из эластичной ткани. Ее нужно было снять и бросить в лицо сопернику. Я потянул — она не снимается, только вытянулась на метр в длину, как безразмерные колготки. Боролся с перчаткой и пел. В отчаянии я еле сорвал ее — с искренним остервенением!

Совсем недавно "душил" Дездемону. Пытаюсь до нее дотянуться — не получается: рукава мудреных костюмов украшены какими-то железками, которые сцепились. Я должен ее толкнуть, потом "задушить", но ничего такого проделать не могу. Каким-то чудом на излете мизансцены оторвались друг от друга. Еле "задушил".

— Вы легко принимаете режиссерскую концепцию или ради собственной творческой идеи идете на конфликт?

— Я профессиональный человек и работаю с любым режиссером. В этом заключается мое уважение к профессии. Бесконечные споры ничего в творчество не привнесут. Абсолютной свободы не существует. Для себя можно строить образ как угодно, но приходит режиссер и говорит: "Значит, так: Отелло — слабак, глупец, а Яго — соль земли. Работайте над образом!" И свой художественный интеллект приходится держать в узде.

Часто спрашивают: кто в опере главнее — режиссер, дирижер или певец? Ответ прост — кто сильнее, тот и главнее. Если приглашают Франко Дзеффирелли, то будет так, как того он хочет. Ливайн поставит по-своему. Пласидо Доминго споет в своей интерпретации. Но бывает и взаимопонимание. Одаренный актер всегда себя проявит!

— Вы исполняли все известные теноровые партии. В чем состоит ваш творческий рост?

— Я много чего хочу! Кажется, готов к партии Хозе в "Кармен", Германна в "Пиковой даме", пробую вагнеровский репертуар. Начал эксперименты с эстрадой.

— Вот так и теряет классический жанр своих "бойцов". Понятно, оперному певцу в легком жанре и жить легче.

— Да ничуть не легче! Эстраду, между прочим, может петь не каждый оперный певец. Нужно музыкальное ощущение стиля. В него нужно "въехать". Иногда певец не может преодолеть этот барьер. Один чувствует, другой — нет.

— Получается — эстрада сложнее оперного вокала?

— В какой-то мере да. Если оперный певец во главу угла в эстраде ставит голос, а не музыку, он в эстраде проиграет. Я ставлю музыку плюс голос. Использую типичные эстрадные приемы — например, свинг.

— И как называется эстрадный жанр, который вы пытаетесь освоить?

— Жанр популярной музыки. Но я и рок пел, и блюз, правда, давно. А говорят, что "оперники" не могут. Могут! В нужные моменты, кстати, используя правила оперного пения — например, "опору" голоса. Эстрадники посмеиваются над оперной манерой исполнения. Но, между прочим, оперные певцы учатся вокалу, что раньше делали и эстрадные исполнители. Сейчас почему-то это необязательно.

— Иногда, слушая эстрадных певцов, я думаю о том, что многие из них "опираются" исключительно на крупную сумму спонсоров.

— Это говорит о том, что они хорошо знают законы шоу-бизнеса! При низком уровне исполнения. А если бы рядом стояли такие корифеи, как Хампердинк, Джонс, Иглесиас, Руссос... А пресловутая "фанера"? Однажды Лучано Паваротти позволил себе спеть под фонограмму — концерт транслировался по телевидению. В Италии был страшный скандал! Кто-нибудь может представить, что опера идет под пластинку, а все артисты ходят по сцене и открывают рот? Это никому даже в голову не придет! А вот в эстраде музыкальный бандитизм чрезвычайно живуч.

Встречалась Людмила СТОЛЯРЕНКО.

На снимке: Николай Васильев в партии Отелло.